

Делон снова сел вперед на своё место. Его рука стала собственнически двигаться над ягодицами моей задницы. Я услышала в его голосе волнение, когда он сказал: "Мне нравится, как тело девушки чувствует себя сквозь трусики. Даже такие уродливые трусики, как эти. Просто есть что-то чертовски сексуальное в том, как девчачья задница и киска чувствуют себя, когда твои пальцы скользят по ним. Это не так сексуально, как по-настоящему, когда она голая, а у тебя в руке ее горячая киска. Но это захватывающий предварительный просмотр того, что должно произойти."

Я подумала: "Запиши это в свой гребаный дневник, засранец! Мне не нужно слышать это дерьмо!"

Но я не сказала ни слова. Я знала, что он говорит такие вещи, чтобы запутать мой разум.

Его пальцы снова начали пробираться между моих бедер сзади. Он приказал мне расправить ноги, и когда я не расправил их достаточно широко, чтобы удовлетворить его, он щелкнул: "Дальше! Господи, сука! Ты знаешь, чего я хочу."

Я раздвинула ноги ещё дальше и стонала от ужаса, когда почувствовала, как его длинные пальцы прилегли отдохнуть над моим покрытым нейлоном холмом.

Он начал мягко массировать мою киску через нижнее белье. Второй раз за десять минут кто-то, кто не является моим мужем, трогает мою киску! Делон, первый мужчина, не являющийся моим мужем, который прикасается ко мне с тех пор, как я была замужем восемь лет, парень, который вот-вот изнасилует меня, трогает мою киску так, как будто это его работа, которую он хочет делать по своему усмотрению. И так и есть!

Я стояла там, послушная, покорная, как маленькая рабыня. Я позволяла ему брать любые вольности, какие он захочет. Другой альтернативы нет. Нет, если только ты не считаешь десятилетнюю тюрьму жизнеспособной альтернативой. Я не считаю.

Не менее тревожным, чем то, что делает Делон, является то, как реагирует мое тело. Мне было отвратительно, когда я поняла, что как бы невероятно не казалось, мое тело начинает реагировать на его прикосновения.

Конечно, это недобровольная реакция. Я это понимаю. Эта область моего тела так же чувствительна, как и у любой другой женщины, и как бы я ни ошибалась, я знаю, что эти нервные окончания начинают оживать, что бы ни говорил об этом мой разум. Но знание того, что это мое тело, а не мой разум, реагирующий на его грубое прикосновение, не облегчает борьбу с унижением.

Его следующая команда снова остановила мое сердце. "Посмотри в камеру и медленно сними лифчик".

Почти невозможно было думать о том, чтобы снять мой лифчик, обнажить мою грудь перед

этим парнем. Большую часть времени с тех пор, как началось это унижительное приставание, я смотрела в окно, пытаясь отделиться от того, что я делаю, и от того, что он со мной делает. Теперь я посмотрела в объектив камеры и мне решительно напомнили, что каждое моё движение записывается.

Я старалась не думать об этом. Я пыталась не задаваться вопросом, кто может увидеть запись, которую он снимает. Но я не могла отвлечься, когда смотрела прямо в объектив.

Я протянула руку за спину и боролась с застёжкой лифчика. Потребовалось больше времени, чем обычно, чтобы освободить крючки. Не думаю, что я так нервничала, когда впервые раздевалась для мальчика, когда мне было шестнадцать. Но тогда я не делала это против своей воли в первый раз. Я был добровольным участником.

Я освободила ремни лифчика. Он свободно висел у меня на плечах, слегка обвисал, раскрывая немного больше декольте, но все равно прикрывал грудь. Снова стало трудно дышать. Я подняла руки и схватилась за плечевые ремни. Я отстранилась от страха, а затем медленно ослабила лямки, прижав грудь к косолапому черному молодому парню, который теперь владеет моим телом.

Я стояла с левой стороны к нему. Его правая рука все еще дразнила мои половые органы через трусики. Когда я, наконец, стянула лифчик и протянула руку, чтобы уронить его на кофейный столик, он протянул левую руку вверх и ущипнул мою левую грудь.

Я задохнулась, и мои глаза закрылись.

Он зарычал: "Продолжай смотреть в камеру!"

Я медленно открыла глаза, пытаясь оставаться пассивной, в то время как он сжимал и манипулировал моей нежной плотью.

Прошел долгий унижительный момент, прежде чем он сказал: "Неплохо. Они меньше, чем мне нравится. Но они подойдут. Насколько велики твои сиськи?"

Напыщенный маленький хрен! "Они подойдут!" Кем он себя возомнил, черт возьми?!

Но я была достаточно умна, чтобы не говорить это вслух. Я смиренно ответила: "С. Я ношу чашку С".

Я не мог сказать, серьёзно он или нет, когда он сказал: "Может быть, как только я начну кормить тебя всем этим протеином, они станут немного больше".

Его пальцы начали сосредотачиваться на моем соске, щипать его, тянуть за него, дразнить. Меня разозлило, что он смог довести его до эрекции, несмотря на ужас, который я

чувствовала.

Как только он стоял по стойке смирно, он несколько раз щелкнул по нему пальцем, прежде чем задаться вопросом вслух: "Интересно, насколько больно проколоть соски? Держу пари, это больно, сука".

Я ничего не говорила. Но я молилась, чтобы это были просто пустые разговоры.

Он сел после еще нескольких минут дразнения и сказал: "Продолжай смотреть в камеру, пока ты снимаешь эти уродливые трусики".

Я посмотрел в объектив и испытала самое странное ощущение. Оно не просто снимало мой позор. Оно фиксировало потерю моей души. Но помимо этого, я ощутила самое ужасное чувство, что я не смотрела в объектив камеры. Я смотрел сквозь объектив в глаза большой группы людей, которые собрались, чтобы стать свидетелями моего унижения. Я почти слышала все их непристойные комментарии, крутившиеся у меня в голове.

Я собиралась быть голой ради развлекательной ценности, которую она обеспечит Бог знает сколько народу с течением времени. Это было достаточно ужасно. Но когда я медленно опускала трусики, уставившись в камеру, которая записывала мое унижение для потомков, я поняла, что теперь, когда я голая, больше нет никаких барьеров. Хуже того, я стояла перед ним и его камерой в собственной гостиной и раздевалась без драки, оставляя у всех, кто видел запись, впечатление, что я полностью и, по-видимому, добровольно подчиняюсь молодому парню.

Я подумала о вещах, которые, по его словам, он заставит меня сделать, если я предпочту быть его шлюхой, а не единственным другим вариантом-обратиться в полицию. Я до сих пор не уверена, что смогу это сделать. Но я точно знаю, что не могу сдать и с уверенностью смириться с тем, что проведу десять лет своей жизни в тюрьме. Это абсолютный неизменный факт, который не изменится, не сможет измениться.

Я вышла из трусиков. Я завернула их и собиралась бросить на кофейный столик вместе с остальной одеждой. Делон остановил меня. Он приказал мне передать их ему.

Мне это показалось глупым. Я стою здесь голая, но ему кажется, что его больше интересуют мои трусы. И всё же я почувствовала, как моё лицо и верхняя часть груди покалывают от перспективы положить моё нижнее бельё в его руку. Мое унижение углубилось и я даже не знаю почему.

Я протянула ему руку и протянула свои завернутые нижние белье так, как будто я даю ему право собственности на свое тело. Он взял их в свою большую руку, и я смотрела из угла глаза, как он раскрыл их и вывернул наизнанку. Я съежилась, когда его большой палец переместился через подкладку, и он улынулся мне.

Он засмеялся и сказал: "В конце концов, у тебя может быть потенциал!".

Потом он снова засмеялся и сказал: "Черт! Я тоже не помню твоего имени! Как тебя зовут, шлюха?"

"Брук".

Его большой палец переместился через внутреннюю часть моих трусиков и он поддразнивал: "Брук? Больше похоже на реку! Я в шоке, Брук. Эти штуки промокли!"

Это не так. Я знала, что нет. Они могли быть влажными. Его пальцы долго массировали мою вульву, иногда толкали мое нижнее белье прямо внутрь меня. Я поняла, что он играл на камеру, наслаждаясь моим унижением.

Он снова сел на свое место. Его левая рука потянулась к моей вульве, притягивая к себе. На этот раз контакт был плотью с интимной плотью. Я содрогнулась от страха и отвращения, но не пошевелилась. Даже когда я почувствовала, что его палец впервые начинает входить в меня.

В моем сознании я кричала: "ЭТО НЕПРАВИЛЬНО! ЭТО ТАК ЧЕРТОВСКИ НЕПРАВИЛЬНО!!!"

Но я была единственной, кто мог это услышать.

Мои глаза на мгновение закрылись, пока он не напомнил мне, что я должна смотреть в камеру. Он очень медленно вставлял и вынимал свой длинный палец из моего самого интимного отверстия. Я знаю, что он делает. Это не так просто, как очевидный факт, что он испытывает меня. Он ставит свои права. Он объясняет мне и тому, кому он покажет эту запись, что я сдалась. Теперь я принадлежу ему. Моя грудь, моя вагина, каждая часть меня. Мое тело принадлежит ему. Я принадлежу ему так, как он хочет. Никто другой в моей жизни, даже мой муж никогда не имел такой власти надо мной!

Я вздохнула с облегчением, когда он вытащил палец из моего влагища. Но мое облегчение было преждевременным. Это была не передышка. Это был сигнал о том, что мне скоро станет хуже.

<http://tl.rulate.ru/book/247/1498>